

김서진
선량한시민

ОБЫКНОВЕННОЕ

ЗЛО

КИМ СОЧЖИН

INSPIRIA

Москва
2023

УДК 821.531(519.5)
ББК 84(5Кор)-44
К40

김서진
선량한시민

Copyright © Kim Seo-jin, 2013
All rights reserved.

Original Korean edition published by NamuBench
Russian translation rights arranged with Imprima Korea Agency (Korea)
and Impressum Literary Agency (Russia)

This book is published with the support of the Literature Translation
Institute of Korea (LTI Korea).

Перевод книги выполнен
в рамках семинара переводческого факультета МГЛУ.
Участники проекта: *Бриль Ольга, Валюк Владимир, Горшкова
Мария, Диброва Елена, Добротина Ольга, Козырева Анна,
Пичушкова Мария, Понкратова Евгения, Тymoшенко Алина.*

Ким Сочжин.

К40 Обыкновенное зло / Ким Сочжин ; [перевод с корей-
ского Е. А. Похолковой, Д. В. Мавлеевой]. — Москва : Экс-
мо, 2023. — 256 с.

ISBN 978-5-04-170759-0

Сорокалетняя домохозяйка Ли Ынчжу живет с мужем, детьми и боль-
ным свекром. Вся ее жизнь похожа на день сурка: она готовит завтрак,
кормит свекра, делает зарядку на свежем воздухе, иногда встречается с
подругами, готовит ужин и ложится спать. Но однажды Ли Ынчжу, под-
давшись непонятному импульсу, убивает человека...

Преступление неприметной домохозяйки вызывает резонанс среди
жителей. Люди съезжаются посмотреть на место убийства, а дети прихо-
дят туда, чтобы поиграть в «игры на выживание». Однако вскоре добропо-
рядочных горожан сотрясает новость о еще одном преступлении...

УДК 821.531(519.5)
ББК 84(5Кор)-44

© Похолкова Е.А., Мавлеева Д.В.,
перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-170759-0

Глава 1

ОБЫЧНАЯ ДОМОХОЗЯЙКА

Кто-то, по-видимому, оклеветал ее, потому что однажды утром, не сделав ничего дурного, обычная домохозяйка, которая даже улицу на красный ни разу не переходила, попала под арест¹.

Полиция искала ее почти все утро. В тот день она, как обычно, встала в шесть утра, покормила детей и отправила их в школу. Она приготовила завтрак и накрыла на стол, чтобы покормить свекра, который несколько лет назад перенес инсульт. Кажется, в тот день у него было особенно скверное настроение. Он проворчал, что каша уже остыла, и стал сетовать на боли в спине. Она почти перестала обращать внимание на его ворчание, но все равно выслушала его с участливым видом.

- Давайте разогрею кашу?
- Не надо.
- Давайте помассирую спину?
- Говорю, не надо.

¹ Аллюзия на роман Франца Кафки «Процесс». (Прим. автора.)

Пока он ел, Ынчжу по привычке села рядом и включила новости. Свекор любил смотреть их. Курс валют, котировки акций, самоубийство в мотеле. Влюбленная пара подожгла древесный уголь и задохнулась угарным газом. Такие новости крутили сегодня по телевизору. Вчера показывали что-то похожее. Свекор ел очень медленно, у него тряслись руки, он доедал кашу целую вечность. Ынчжу вытерла ему рот полотенцем и дала лекарство, затем помогла лечь обратно в постель и вышла из комнаты. Стрелки часов показывали без десяти девять. Утренние дела почти закончены.

Она вернулась на кухню и сварила кофе. Свекор уснет за просмотром телевизора, а ее муж, Хосон, засядет за компьютер. После обеда отец перейдет под его опеку, и Ынчжу будет предоставлена самой себе до самого ужина. Она пила кофе и обдумывала, чем заняться сегодня.

Однако особых дел у нее не было. Так происходило почти всегда. Каждый день Ынчжу поднималась на холм, совершала променад, а потом шла в общественную баню по месячному абонементу. Так и день подходил к концу. Если оставалось время или, скорее, желание, она шла на рынок за продуктами. Вернувшись домой, старалась приготовить очередное блюдо, которое проходили на кулинарных курсах. Неделю назад это был ферментированный скат с тушеной свиной.

Ынчжу мечтала когда-нибудь открыть собственное кафе, поэтому к кулинарным занятиям она относилась достаточно серьезно. Женщины, с которыми она ходила на курсы, рассказывали, как после каждого урока они приходят домой и пробуют повторить то блюдо, которое

готовили в классе, а потом обязательно зовут друзей или соседей на ужин. Она хотела бы так поступать, но друзей у нее почти не было, да и нормальных соседей тоже. В ее доме, точнее, в доме ее свекра, комнаты снимали двое иностранных рабочих и женщина лет шестидесяти. Можно было из вежливости позвать эту соседку, но она совсем не горела желанием приглашать постояльцев на ужин. Когда она все же попыталась это сделать, их не оказалось дома. Оставались только домочадцы, но и здесь все было не так просто — дети допоздна учились на курсах, поэтому ели не дома, свекор едва мог пережевывать пищу, а Хосону что ни дай — ему все вкусно.

Ынчжу очень переживала, что не могла каждую неделю оттачивать свои навыки и получать отзывы о блюдах, как остальные женщины на курсах. Если бы она не переехала в дом свекра, а продолжила жить в своей квартире, она бы тоже постоянно созывала в гости соседей оценить ее блюда. Там, где она жила раньше, женщины из одного подъезда довольно тесно общались, но главным центром притяжения были встречи мам школьников. Подружки из этого клуба домохозяек по вечерам заглядывали в местный бар выпить пива, а потом до хрипоты пели песни в караоке. Они вместе ходили в торговый центр, на распродажи и на родительские собрания. После переезда в дом свекра Ынчжу еще около года поддерживала связь с бывшими соседками, все так же приходила на встречи клуба домохозяек. Но дети поменяли школу, пошли на другие курсы, и она почувствовала, что отдалилась от прежних подруг, их общение само собой сошло на нет.

Внезапно Ынчжу ощутила себя изгнанной, изолированной от мира, она тосковала по своему прежнему дому. Здесь ей было ужасно скучно. В этом районе наверняка тоже были ее ровесницы, просто все они работали. Днем в округе не было никого, кроме стариков, медленно прогуливающих по району.

Попивая кофе, Ынчжу пробурчала, что дальше так продолжаться не может, необходимо заработать денег и переехать. Сильнее всего ее беспокоило качество местного образования — оно оставляло желать лучшего. К счастью или к сожалению, недавно старые дома по соседству снесли и построили новый жилой комплекс. Это немного улучшило контингент учеников, но после уроков заняться детям было почти нечем. Кроме того, она мечтала переехать в более зеленый район, но для этого нужно было начать хоть что-то делать. В этом ей могли бы помочь ее кулинарные увлечения. Она мечтала открыть простое, уютное кафе, куда люди возвращались бы снова и снова, они рекомендовали бы его своим друзьям. Можно было бы приготовить сегодня то, что делали на курсах, но сейчас у нее не было никакого желания.

Вчера за утренней чашкой кофе ее тревожили мысли о работе и жилье. Позавчера ее голова была занята тем же. Единственное, что менялось, так это планы на основное меню для ее будущего кафе. Все остальное шло по привычному сценарию.

В доме было тихо, словно его окружала толща воды. Сквозь окно проникали лучи утреннего солнца, в которых медленно кружились пылинки, как мелкий планктон.

«Сначала стоит прибраться», — подумала Ынчжу, допивая кофе.

В этот момент кто-то позвонил в дверь. Этот кто-то будто ждал, пока она сделает последний глоток. Чтобы свекор не проснулся, она быстро подбежала к входной двери и ответила в трубку домофона:

— Кто там?

— Полиция. Ли Ынчжу дома?

— Минуту.

Она надела тапочки и выглянула за дверь. Через открытые ворота во двор вошли двое. Тот, что помладше, достал из кармана куртки удостоверение и сказал:

— Мы из полиции. Вы должны пройти с нами.

— А что случилось?

— Мы хотим задать вам несколько вопросов как свидетелю по делу о смерти мужчины.

Позже она не раз пожалела, что пошла с ними. Обычная домохозяйка инстинктивно предпочитала не иметь никаких контактов с представителями правоохранительных органов, но в тот момент без особых раздумий пошла вслед за ними. Сев в машину, она вдруг опомнилась: «Подождите!» — и побежала домой за телефоном. Она крикнула сидящему за компьютером мужу, что «ненадолго отлучится в полицейский участок». Она так торопилась, что не запомнила, ответил он или нет.

По дороге в отделение Ынчжу вспомнила, как на той неделе пьяный пожилой мужчина упал в ручей и утонул. Ручей огородили желтой лентой, на месте происшествия работали криминалисты, а начальник полицейского участка весь день только расхаживал по району и орал

на всех. Он изображал активную деятельность еще несколько дней. Местные шептались, что это была несчастная смерть. Ынчжу тоже ходила посмотреть на место происшествия. Но тем все и кончилось. Полиция пришла к выводу, что это был несчастный случай. Она постаралась выкинуть из головы всю эту историю, ведь погибшего она совершенно не знала. Она и подумать не могла, что ее вызовут в полицейский участок как подозреваемую.

Ынчжу вошла в комнату для допросов. Внутри стоял только письменный стол. Одна стена была зеркальной — через нее снаружи можно было наблюдать за происходящим в комнате. За ней обычно сидели свидетели — если таковые были — и несколько полицейских. Именно они по выражению лица определяли, лжет человек или нет. Ынчжу впервые попала в полицейский участок, не то что в комнату для допросов. Впрочем, обстановка была ей знакома по фильмам и сериалам, так что она понимала, что будет дальше. Но все же это был не фильм и не сериал, и она почувствовала, как грудь сдавило незнакомое чувство тревоги и страха, она понимала, что сейчас может произойти что-то серьезное.

Следователь сел перед Ынчжу, переписал данные ее паспорта и спросил номер телефона. Она отвечала на вопросы вежливо, старалась оставить о себе хорошее впечатление, но быть угодливой она не собиралась. Детектив записал все ответы и, не отводя взгляда, спросил:

— Где вы были в прошлый понедельник около двенадцати часов ночи?

Ынчжу на мгновение задумалась. Она ответила, что в прошлый понедельник она впервые за долгое время

встретилась со своими школьными подругами. Они вместе поужинали, выпили, сходили в караоке и разъехались по домам на такси. Ынчжу вернулась домой до полуночи. Да, так она и ответила. Она хотела спросить, почему ей задают такие вопросы, но не осмелилась.

— По нашим данным, вы вернулись домой около часа ночи.

— Правда? Наверное, так оно и было. А зачем нужна эта информация?

— Вы сказали, что разошлись в одиннадцать часов ночи, верно?

— Да.

— Не могли бы вы дать контакты подруг для уточнения обстоятельств.

Ынчжу вежливо и спокойно продиктовала номера подруг, с которыми виделась тем вечером. Она подумала, что правильно сделала, взяв с собой телефон. Ее допрашивали двое: тот, что постарше, который задавал вопросы, — следователь Чхве, и молодой рядом с ним — следователь Ким — вышел из комнаты, чтобы позвонить ее подругам и сверить показания женщины.

— Из такси вы вышли около половины двенадцатого и направились домой вдоль ручья, верно?

— Да, это самый короткий путь.

— Вы видели господина Кан Инхака?

— Нет, не видела.

— Вы знакомы с господином Кан Инхаком?

— Это ведь тот, кто поскользнулся и погиб на той неделе?

— Ясно, все-таки знаете.

— Да не знакома я с ним!

— Тогда откуда у вас информация, что именно он погиб на прошлой неделе? Мы не сообщали его имени.

— Когда мы приехали в участок, кто-то из вас сказал, что я здесь по этому происшествию.

Чхве замолчал и на мгновение посмотрел на Ынчжу. В дверь постучали, вошел полицейский с полиэтиленовым пакетом, в котором лежала пара женской обуви. Ынчжу узнала свои туфли.

— Ваши?

— Да.

— Видите на них остатки травы и грязи?

— Да, вижу, почему вы спрашиваете?

— Если бы, выйдя из такси, вы сразу пошли домой, я бы не спрашивал вас об этом. Результаты экспертизы покажут точнее, но здесь и так понятно, что это земля с места гибели Кан Инхака. В тот день лил дождь. Поэтому я делаю вывод, что вы шли не по тропинке вдоль ручья, а спускались вниз к воде.

— Нет, я сразу пошла домой! Это я на следующий день спускалась к ручью посмотреть. Поэтому на ботинках грязь.

— Зачем же вы туда ходили?

— Что, простите?

— Вы когда-нибудь слышали, что убийца всегда возвращается на место преступления?

Только сейчас Ынчжу поняла, что ее допрашивают не как свидетеля, а как подозреваемую. У нее перехватило дыхание, она смотрела в глаза следователю. Мысли о том, что полиция может сфабриковать дело, что она сядет

в тюрьму до конца своих дней, что ее сгноят в колонии или казнят, вспышкой пронеслись у нее в голове. «Если меня посадят, то дети не поступят в институт», — думала она. Ынчжу смотрела на детектива, не в силах сказать и слова.

— Вы думаете, это я убийца?

— А вы убийца, Ынчжу? — выдержав паузу, спросил следователь Чхве, не сводя с нее глаз.

Вопрос не требовал ответа. В дверь постучали, зашел его коллега Ким и что-то прошептал ему на ухо. Из обрывков фраз она поняла — подруга рассказала, что они разошлись около одиннадцати, и подтвердила, что Ынчжу села в такси. Она напряженно размышляла, помогут ли ей показания подруги. В этот момент Чхве снова обратился к ней:

— Что и ожидалось услышать. Вы действительно сели в такси чуть после одиннадцати и, похоже, вышли из него до полуночи. Нужно еще спросить у таксиста, чтобы знать наверняка. До вашего дома идти не больше десяти минут, но вы пришли домой около часа ночи. Что вы делали оставшееся время?

— Нет, я точно пришла домой до полуночи. Откуда у вас такая информация? Соседка сказала, да? Она пьет и целыми днями играет в карты, та еще обманщица! И этого мужчину я ни разу не видела, зачем мне его убивать? Я его даже не знаю! Кто вообще убивает незнакомцев? А грязь... на ней что, дата написана? Я вам сказала, что ходила к ручью на следующий день. Как вы с такой легкостью можете обвинять человека в убийстве? Теперь так у нас полиция работает? Если вы думаете, что его убила я, представьте доказательства!

* * *

Следователь Чхве позвонил начальнику районного участка: она сама удивилась тону, которым разговаривала со следователями, но поняла, что это было разумно и обоснованно. И откуда взялась у нее эта храбрость? Выражение лица Ынчжу приобрело решимость, с которой она пристально смотрела на следователей. Ведь она просидела в участке уже целый час.

— Кстати, шеф. Тому, кто назвался свидетелем, можно доверять?

— Ты же сам с ним говорил.

— Поговорил. Свидетель сказал, что четко помнит, как выглядела женщина в тот вечер. К тому же эту одежду нашли в шкафу подозреваемой.

— Ну, и?..

— Во всем этом нет логики. Она не знает покойного. Домашний и мобильный телефоны погибшего проверили и не нашли никаких свидетельств того, что она звонила или писала ему. Должна быть какая-то связь, но ее нет. Нет доказательств, что они были знакомы.

Участковый слушал с серьезным видом. Но думал он не о деле, а о том, почему этот Чхве, который младше его, вообще позволяет себе подобные рассуждения. Если происходит несчастный случай, то от следователя требуется лишь оцепить место преступления, разыскать свидетелей и начать дознание — одним словом, протокол и рутина. Но вместо того, чтобы просто делать что полагается, Чхве стал ему названивать и разглагольствовать по поводу связи подозреваемой и покойного.

В это мгновение начальник полицейского участка ощутил усталость с примесью раздражения. А ведь у него диабет, ему нельзя перенапрягаться. Он и так завален работой. Тут еще этот Кан, вроде бы уважаемый человек, а погиб, упав в ручей. Ручей ли это? На ручей теперь мало похоже. Недавно там начались работы по углублению дна, да еще из-за проливных дождей уровень воды сильно поднялся. Утонуть можно было запросто.

Вот и все дела. Начальник полиции погрузился в философские размышления о том, что Кану просто не повезло. Он возвращался домой под мухой. Когда нашли тело, то обнаружили, что ширинка брюк была расстегнута. Очевидно, что Кан справлял малую нужду, упал в ручей и погиб. Этот инцидент будет расцениваться как смерть в результате несчастного случая, сомнений не было.

Участковый одинаково ненавидел все преступления, будь то убийства или простые грабежи — они всегда доставляли ему массу хлопот. И совсем неважно, кто их совершал. В этом смысле начальник полиции имел стабильную систему ценностей, презирая не людей, а их грехи. Тем не менее надо было сделать несколько утомительных вещей, например, обеспечить неприкосновенность места преступления, проверить, нет ли случайных свидетелей, а также оповестить членов семьи покойного. К тому же, раз инцидент произошел на вверенном ему участке, ему предстояло заполнить немало документов.

Участкового раздражало отношение следователей из центра. Особенно этого Чхве, которому по возрасту еще в помощниках инспектора надо ходить. Он слишком